

Выходные данные:

Бочаров А.В. Что революционного в «цветных» революциях // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 29 сентября 2017 года / отв. ред. Д.П. Самородов, зам. отв. ред. А.А. Богданова. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. С. 348-352.

Что революционного в «цветных» революциях

Бочаров А.В.
г. Екатеринбург

Столетие событий Октября 1917г. в России как мощный информационный повод насытило медийный и академический дискурс проблематикой исследования и оценки социальных революций. Важным пунктом в этом направлении является вопрос классификации революционных событий, в том числе из новейшей истории.

Длительное время историческая и политическая науки исходили из доминирования марксистской парадигмы в типологизации и структурном анализе революций, разделяя их на буржуазные, пролетарские, буржуазно-демократические. Ключевым критерием подобной дифференциации выступали доминирующие интересы того или иного социального класса, а также глубина изменений социального пространства, его «коренная ломка». Исследования базировались на методологии, ориентированной на изучение такой революции, которая понимается как ответ на обострения противоречий между производительными силами общества и наличествующими производственными отношениями.

Истоки наполнения политологической дефиниции «революция» восходят, прежде всего, к Французской революции 1789г. и Российской революции 1917г., которые закономерно именуются великими. Две великие революции стоят особняком в общем революциоведении, и их обособленность

задаёт компромиссный, прагматичный вектор в определении путей и критериев классификации других социальных революций.

Классовая природа и жёсткая детерминированность между политическими целями и кардинальными социально-экономическими последствиями революции к настоящему времени утратили свою актуальность в качестве главного индикатора «истинности» революционного процесса. Подобное понимание пришло в академическое сообщество в последней трети XX века и особенно связано с именем Т. Скочпол, ставшей одним из ведущих исследователей в области теории революции. В частности, ею предпринята попытка выделить понятие политической революции, которая меняет власть и государственные институты, но не общественные структуры и вовсе необязательно сопровождается классовыми конфликтами.

Следующую волну в теоретическом осмыслении социальных революций (так называемых революций «четвёртого поколения») ознаменовали работы современного политолога и макросоциолога Дж. Голдстоуна. Маневрируя между различными подходами, он предложил «сформулировать более широкое и более современное определение революции: это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [3, с. 61].

Таким образом, говоря о революциях в современной политике, мы имеем дело с гораздо более многомерным понятием, гибким по своему содержанию, выходящим далеко за пределы «марксистских лекал». Какие объективные обстоятельства могут объяснить данный теоретический поворот?

По мнению автора настоящей статьи, причиной «перереформатирования» понятия революции служит хотя бы свойственное подавляющей части современного мира изменение роли государственных институтов и в целом политической системы в функционировании экономики. Социально-экономическая картина той или иной страны становится слишком

многофакторным явлением, чтобы зависеть только от воли государственных акторов. Последние вынуждены применять усложняющиеся и ограниченные по силе инструменты воздействия на экономику, подчиняясь новым внутренним и глобальным регулятивам и исходя из принципиальной невозможности изолироваться от внешнего мира. О грубой этатизации, характерной для предыдущих эпох, речи уже не идёт.

Следовательно, революционное свержение власти в государстве XXI века, как правило, не имеющем прежней полноты контроля и диктата над разными сферами общественной жизнедеятельности, не подразумевает, не может и не должно подразумевать разрушение экономического базиса и создание какого-либо радикально другого социально-экономического устройства. Иными словами, к революции новейшего поколения типологически неприменимы марксистские требования по глубинной трансформации. Современные социальные революции решают свои, зачастую локальные задачи, несмотря на то что некоторым исследователям они представляются недостаточно масштабными для классического концепта «революция».

К категории неклассических относятся «цветные» революции (в англоязычных источниках – color revolution), наиболее известные по событиям 2003г. в Грузии, 2004 и 2013-2014гг. в Украине, 2005 и 2010гг. в Киргизии, а также по массовым протестам «арабской весны» 2010-2011гг. в странах Северной Африки и Ближнего Востока. «Цветность» данных революций обусловлена их притягательным по символизму неймингом («революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция» и т.п.).

В научной и публицистической полемике строго разделены два полюса мнений о «цветных» революциях. Многие исследователи убеждённо отстаивают позицию, согласно которой данные политические феномены вообще некорректно относить к революциям. По их мнению, так называемые «цветные» революции в действительности ставят своей задачей сохранение, а не изменение существующей системы [4]. «Никаких коренных изменений

«цветные революции» не принесли, они лишь произвели замену одной правящей группы (клана) на другую. К модным теориям, применяемым к событиям «цветных революций», относятся теории демократизации и демократического перехода, теория транзита. Но никакой дальнейшей демократизации в результате «цветных революций» не произошло, набор действий и мер всех постцветных режимов был примерно одинаков и направлен не на реальные изменения, а на сохранение иллюзий перемен в обществе и поддержание рейтинга власти, популизм первых шагов быстро сменился политическими метаниями и возвратом к прежним состояниям» [6, с. 76-77]. Отдельные исследователи, характеризуя, в частности, события «арабской весны» высказывают ещё более категоричные воззрения: «Никаких революций в арабском мире не было. Там был создан хорошо управляемый хаос, в котором решающую роль играл охлос, получавший определенное вознаграждение, но никогда не представлявший собой никакой самостоятельной революционной силы» [2, с. 25].

Как видим, взгляды, отрицающие революционность «цветных» революций, как правило, обоснованы тем, что данные события не несут коренного переустройства социального и политического пространства, кроме того, имеют «конспирологическую» природу, т.е. инициированы и организованы при активном вмешательстве внешних сил (демонизированного Запада). Нельзя не отметить, что при формулировании подобных заключений зачастую используются оценочные суждения, граничащие с мифотворчеством.

Вместе с тем, если вернуться к вышеприведенной цитате признанного революциоведа Дж. Голдстоуна о том, что революция четвертого поколения может: а) являть собой не более чем «попытку преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе»; б) сопровождаться «формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть», - то необходимо констатировать, что «цветные» революции вполне соответствуют предлагаемой дефиниции. Они совершаются

со смыслом отрицания прежней легитимности, её принудительного упразднения и создания условий для формирования новой политической власти.

На стороне признания данного вывода стоят не только зарубежные обществоведы, но и отечественные, отмечающие, что вышеназванные революции в постсоветском мире (Грузия, Киргизия, Украина) и «арабская весна» - «всё это самые настоящие революции. И хотя порою они сопровождались беспорядками, насилием и жертвами, на фоне «модельных» революций вроде Октябрьской или Великой французской современные революции выглядят вегетарианскими» [5, с. 17].

Относительная ненасильственность является ещё одним признаком, идентифицирующим «цветные» революции. Кроме того, для них характерны массовая мобилизация сторонников под лозунгами справедливости (ключевое отличие от государственного переворота) и раскол элит, свойственные и революциям предыдущих поколений. Среди недостаточно изученных аспектов «цветных» революций стоит выделить религиозный фактор (конкретно – исламский), сыгравший существенную роль в эскалации политических протестов и революций 2011г. в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Влияние ислама на массовую динамику дало повод усомниться в непременно мирном течении «цветных» революций [1, с. 173].

Вместе с тем, нельзя не признать, что слабое место феномена «цветных» революций, которое остаётся предметом широкой дискуссии, - это их последствия: насколько они соответствуют критериям реального политического обновления как неотъемлемой черты социальной революции? С одной стороны, как было сказано выше, ряд исследователей именно по этому основанию отказываются соглашаться с признанием «цветных» революций как таковых. С другой стороны, имеются альтернативные подходы. Согласно им, нельзя говорить о полностью несостоявшемся демократическом транзите стран, подвергшихся «цветным» революциям. Например, Украина, «несмотря на кардинальные экономические проблемы... сохраняет потенциал

демократической трансформации... существует широкий национальный консенсус по части признания демократии безальтернативной формой политического устройства». Что касается Грузии, то «несмотря на некоторые авторитарные черты режима Саакашвили, его смена произошла вследствие свободных и конкурентных выборов. Даже пережившая два революционных переворота Киргизия движется по пути демократической консолидации» [5, с. 110-111]. Однако данный эмпирический ряд прерывается арабскими государствами, где политический постреволюционный прогресс явно обнаруживается лишь в Тунисе, тогда как другие страны либо возвращаются в авторитарные рамки (Египет), либо в разной степени переживают проявления гражданской войны, нарушения территориальной целостности, утраты государственного суверенитета (Ливия, Йемен, Сирия).

Впрочем, оценивая «цветные» революции по их последствиям, нельзя исключать того, что их окончательные итоги подводить ещё преждевременно, поскольку вопрос периодизации и завершения социальных революций также имеет широкий спектр научных концепций.

Таким образом, типологически «цветные» революции вполне заслуживают своего рассмотрения в теории социальных революций при условии отнесения в отдельную категорию, с акцентом на их политическую, но не обязательно общесоциальную функцию и с оговоркой на возможную незавершённость их последствий.

Список источников и литературы

1. Бочаров А.В. «Цветные революции» и исламский фактор: к постановке проблемы // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 172-175.

2. Гобозов И.А. Революции или управляемый хаос? // Философия и общество. - 2012. - № 1. - С. 5-25.

3. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Логос. - 2006. - № 5 (56). - С. 58-103.

4. Кагарлицкий Б.Ю. Эксперт: «Цветные революции» ничего не меняют // Правда.Ру. 03.12.2013. Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/world/03-12-2013/1184251-colorrevolution2-0/>

5. Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо. 2016. – 320 с.

6. Шульц Э. Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. - 2014. - № 1. - С. 65-83.